

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Глобализационные процессы и их влияние
на языковое и цивилизационное развитие
славянских этносов
Москва, 27 октября 2015 г.

Тезисы научной конференции

МОСКВА 2016

Конференция проведена при поддержке и в рамках гранта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика» (рук. д.ф.н. Г.П. Нецименко)

Редколлегия:
Ващенко Д.Ю.
Макарцев М.М.
Нецименко Г.П. (отв. ред.)
Пилипенко Г.П.

Глобализационные процессы и их влияние на языковое и цивилизационное развитие славянских этносов. Тезисы научной конференции, 27 октября 2015 г. Москва: ИСл РАН, 2016 г. 16 с.

Данная конференция является одним из этапов реализации проекта «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика», над осуществлением которого работает международный авторский коллектив при финансовой поддержке РГНФ: проект № 14-04-00592 (2014 – 2016 гг.; руководитель Нецименко Г.П.). В центре внимания конференции находится рассмотрение теоретических и методологических вопросов изучения феноменов «язык» и «культура» в их функциональном взаимодействии в ходе исторической эволюции этноса, роли языка как фактора этносоциального развития, его функционирования в разных этносоциальных и социокоммуникативных условиях. В работе конференции приняли участие докладчики из России, Польши, Словении, Чехии.

ISBN – 978-5-7576-0357-5

© Институт славяноведения, 2016

© Авторы, 2016

**Мадина Михайловна Алексеева,
Дмитрий Кириллович Поляков**
(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Инославянские переселенческие говоры в России: этнокультурная и социолингвистическая ситуация

В докладе в сопоставительном аспекте представлена характеристика этнокультурной и социолингвистической ситуации нескольких инославянских переселенческих говоров в России, а именно: а) северокавказских и б) сибирских чешских говоров, в) восточносибирских и г) западносибирских польских говоров, д) говоров сибирских голендров. Несмотря на гетерогенное происхождение, различные причины и время миграции исследуемые говоры сходны по ряду признаков: 1) все они являются островными, то есть не имеют или длительное время не имели связи с говорами метрополии; 2) указанные говоры функционируют в условиях постоянных контактов с русским языком; 3) все носители данных говоров двуязычны, что обуславливает постепенное разрушение исходных диалектных систем под влиянием доминирующего русского языка (при сохранении ряда архаических диалектных особенностей). Различия касаются общего числа и возраста носителей, этнического окружения, особенностей билингвизма разных поколений носителей, типов коммуникативных ситуаций, в которых употребляется говор, интенсивности современных контактов с языком метрополии.

Mieczysław Balowski
(Опольский университет, Ополе, Польша)

Wpływ globalizacji na język i kulturę polsko-czeskiego pogranicza

Autor wychodzi z pojęcia *globalizacja* jako procesu zachodzącego „we współczesnym świecie, przede wszystkim dzięki postępowi telekomunikacji i informatyki”, polegającego „na powstawaniu coraz ściślejszych związków między odległymi krajami, głównie związków ekonomicznych i kulturalnych” (SJP). Ten nurt widać wyraźnie również w kulturze, co jest rezultatem rozwoju masowej turystyki, wzmożonych migracji, komercjalizacji produktów kulturowych oraz rozprzestrzeniania się ideologii konsumeryzmu.

Negatywnymi skutkami globalizacji są: niwelacja różnorodności kulturowej, degradacja kulturowych i narodowych norm (por. halloween w miejsce dnia zmarłych, urodziny w miejsce imienin), likwidacja lokalnej tożsamości (powoływanie filii w miejsce organizacji lokalnych), dezintegracja społeczna (zanik poczucia tożsamości grup lokalnych na korzyść powstawania i rozwoju wspólnot zainteresowań, których członkowie często są geograficznie bardzo odlegli). Dochodzi także do wzniesienia małych nacjonalizmów, w wyniku których społeczności te próbują tworzyć własne państwa narodowe (por. morawska w Czechach, śląska w Polsce).

Rozwój współpracy międzynarodowej w dziedzinach specjalistycznych stwarza konieczność szybkiej komunikacji między specjalistami w najróżniejszych dziedzinach. W efekcie tego stosuje się wyrazy specjalistyczne używane w najbardziej rozwiniętych krajach (anglicyzmy i amerykańizmy). Prowadzi to do procesów unifikacyjnych w dziedzinie porozumiewania się w większości języków. Dominuje język angielski jako lingua franca, co jest w dużej mierze spowodowane kultem USA zwłaszcza wśród ludzi młodych.

W języku polskim i czeskim podstawowy trzon słownictwa internetowego tworzą wyrazy angielskie (polszczone lub czeszczone), np.: pol. *(za)logować się* / czes. *(při)logovat se* = ‘wejść do sieci komputerowej jako jej użytkownik’; pol. *zasejfować* / czes. *zasejvovat* = ‘wpisać coś na twardy dysk’ itp., które w języku polskim lub czeskim ulegają dezintegracji, np.: *komputer i Internet : komp i net; apdejt* ‘aktualizacja strony internetowej’ itp.

Powstają nowe gatunki mowy, np. SMS – pol. *esemes*, czes. *esemeska*. Jedną z najbardziej charakterystycznych cech komunikacji esemesowej – według L. Hašovej (2002) – jest ograniczenie długości tekstu odpowiednią ilością znaków (max 160). To powoduje np. ograniczenie długości wyrazów. W długich czeskich wyrazach wyrzuca się niektóre głoski, najczęściej samogłoski, tak że np. czes. *kdekoliv* zapisuje się jako *kdklv* albo *kdeklv*, pol. *cześć* – *Cze, do zobaczenia* – *dozo*. Nazwy miesięcy oznacza się trzema literami (czes. *led, uno, bre, dub, kve*). Używa się skrótów nazw miast typu pol. *Krak* (Kraków), *Wawa* (Warszawa), *Wro* (Wrocław). Anglicyzmy stosuje się wtedy, gdy czeskie lub polskie ekwiwalenty są dłuższe, np. *if* (*pokud, jeżeli*), *hi* (*ahoj, cześć*), *I* (*ja, ja*). Licznie używa się akronimów, np.: *ADN* (*any Day now* ‘łada dzień’), *ATM* (*at the Moment* ‘w tej chwili’) *CTJ* – *co to je*, *APO* – *a przy okazji*, *ATSD* – *a tak swoją drogą*, lub akronimów z liczbami, np. *CUL8R* (*see you later* ‘zobaczymy się później’), *GR8* (*great* ‘wspaniale’),

Nicholas Ostler uważa, że globalizacja nie zmieni mapy językowej Europy czy świata. Jedynie zakres użycia niektórych języków będzie się zawężał na korzyść innych dużych i „atrakcyjnych” języków/krajów (np. języka białoruskiego na korzyść języka rosyjskiego, języka walijskiego na korzyść języka angielskiego). Zatem mylnie jest przeświadczenie, że pozycja języka angielskiego jako głównego środka komunikacji globalnej będzie trwać wiecznie. Zmiana realiów politycznych i ekonomicznych spowoduje kolejną zmianę „krajobrazów językowych”.

Дарья Юрьевна Ващенко

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Диалектные интернет-разговорники: опыт прагматического анализа

В докладе предпринимается анализ двух диалектных разговорников, размещенных в пространстве словацкого интернета: шаришко-литературного и англо-восточнословацкого (термины здесь являются дословным переводом названий разговорников). Спецификой обоих текстов является тот факт, что они подаются анонимными составителями как несерьезные, юмористические, тем самым их исходное предназначение является вторичным. На первый план в данном случае выходит презентация Восточной Словакии как региона с определенной языковой и культурной спецификой, которую и стремятся обыграть авторы сетевых разговорников. В ходе наблюдения за природой юмористического в указанных разговорниках мы стремимся установить, какие именно черты определяют своеобразие региона по мысли составителей. Кроме того, мы исследуем размещенные под этими текстами дискуссии, чтобы понять, насколько позиция реципиентов совпадает с авторской.

Эва Голяховска
(Институт славистики Польской академии наук, Варшава, Польша)

Символическая ценность и коммуникативная функция белорусского и польского языков в Беларуси

Целью настоящего доклада является представление особенностей функционирования белорусского и польского языков на территории Беларуси. По нашему мнению, Беларусь — это многоязычная страна, диглоссийную систему которой создают следующие языки: русский, белорусские говоры, белорусский литературный язык, а также, в ограниченном диапазоне (в основном на Гродненщине), польский язык. Русский, распространённый на территории всей страны, является нейтральным средством коммуникации. Многие жители считают его более престижным языком, чем белорусский. Несмотря на это, показателем национальной идентичности населения Беларуси является белорусский язык, русский язык таким показателем становится редко. Это касается также тех белорусов, которые в ежедневном общении пользуются русским языком. Подобное символическое значение имеет польский язык (хотя возможности его использования еще более ограничены, чем белорусского). Однако среди представителей польского меньшинства в Беларуси коммуникативную функцию нередко выполняет русский язык, при этом они подчеркивают символическую ценность польского языка и считают его своим родным. Кроме того, как и польский, белорусский язык является сакральным языком католиков с польской и белорусской национальной идентичностью. И именно в этой сфере сильнее всего проявляется связь языка с национальностью.

Парадокс современной языковой ситуации в Беларуси заключается в том, что белорусский язык, ставший символом белорусского возрождения и считающийся молодёжью и интеллигенцией престижным, не является языком повседневного общения. Можно предположить, что причина данного явления заключается в несовместимости его символической роли и коммуникативной функции. Это касается не только официальных коммуникативных ситуаций или общения с незнакомыми людьми, но также общения с близкими и друзьями. На обоих языках создаются публицистические, научные (в частности из области гуманитарных и общественных наук) и религиозные тексты. Это связано прежде всего с символической ролью, которую язык выполняет в определенной среде (польский — среди поляков, белорусский — среди белорусов), а каждый из подобных текстов является своего рода политической и патриотической декларацией.

Елена Ивановна Коряковцева
(Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша)

Язык современных славянских СМИ: к вопросу об инновациях и инновационных процессах

В языке современных СМИ произошли серьезные изменения, вызванные глобальной интеграцией и радикальными общественными переменами в жизни славянских стран, обусловившими смену коммуникативной парадигмы речевого общения. Изучая и описывая язык современных славянских СМИ, необходимо разграничивать термины *инновация* и *инновационный процесс*, близкие по смыслу, но не тождественные. *Инновационный процесс* — это «карта» всего поля эволюции того или иного новшества и

осуществления нововведения, которое сопровождается энтропией устоявшейся системы, долгое время обеспечивавшей стабильное развитие языка. Инновационный процесс развивается во времени и имеет отчетливо выраженные стадии. У инновационного процесса есть свои временные границы, которые, тем не менее, невозможно обозначить точно. Однако эти границы вполне определимы для каждого конкретного нововведения, для каждой инновации.

Инновации следует рассматривать в динамическом и в статическом аспекте, определяя их как проявления напряжений в языковой системе или же как отклонение от нормы, служащее источником новых напряжений, подчас способствующих «стиранию» этнокультурной специфики данного языка. Две важнейшие функции языковой инновации, благодаря которым она усваивается определенной лингвокультурой, — это утилитарная и престижно-знаковая.

Существуют следующие виды инноваций: экзогенные (заимствованные извне) и эндогенные (возникшие в данной среде без влияния извне); спонтанные и стимулированные трансформации; прямые заимствования и модификации иноязычных элементов, обусловленные их адаптацией, структурной интеграцией и бытованием в воспринимающем языке.

Очевидно, что изучение актуальных инновационных процессов и языковых инноваций должно быть связано с анализом активных межкультурных и межъязыковых контактов, обусловленных процессами глобализации, «глобанглизации» и «евролатинизации».

Константин Васильевич Лифанов
(МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

**«Правила словацкого правописания» 1931 г.
в контексте развития словацкого литературного языка**

Первое официально признанное на государственном уровне кодификационное пособие «Правила словацкого правописания», вышедшее в 1931 г., вошло в историю словацкого литературного языка с чрезвычайно противоречивой оценкой. Наиболее отчетливо эту противоречивость отражают высказывания Й. Ружички, который, с одной стороны, отмечал, что оно внесло важный вклад в культивирование словацкого литературного языка и стабилизацию языковой практики, а с другой — являлось реализацией тенденции к чешско-словацкому языковому единству, которое должно было быть достигнуто путем подавления особенностей словацкого языка и «продавливания» богемизмов в литературную норму (Ružička 1970, 62). Именно вторая сторона проблемы явилась причиной негативного восприятия «Правил» значительной частью словацкой интеллигенции и стала предметом внимания и дальнейшего изучения языковедов. Целью же нашей работы являются, напротив, такие кодифицированные этими «Правилами» явления, которые закрепились в словацком литературном языке, в результате чего данная кодификация вписывается в процесс его непрерывного развития, демонстрируя свою преемственность с предыдущими и последующими кодификациями. К их числу относятся выведение из литературного языка форм, отсутствующих в народном языке (например, деепричастий прошедшего времени), отражение результатов процессов, протекающих в живом языке (например, сращение составных числительных, ведущее к изменению синтаксических свойств некоторых из них), упорядочение фонетических огласовок ряда

слов путем устранения одного из дублетов (например, *jeden, všetok*), в том числе колебания количества гласного (например, *záhrada, Boh, zavřít*), изменение орфографии (например, *sféra, skúška*) и др.

Литература

Ružička 1970 — *Ružička J. Spisovná slovenčina v Československu*. Bratislava, 1970.

Ирина Макарова-Томинец

(Приморский университет, Копер, Словения)

Языковые отклонения в русском языке под влиянием словенского как языка окружения

В докладе рассматривается положение русскоговорящего населения современной Словении на материале данных интернет-анкетирования и устных интервью как русскоговорящих родителей, так и их детей. На основании выборочного анализа письменных работ и дополнительного контрольного интернет-тестирования исследуются языковые изменения, происходящие в языке младшего поколения русскоязычных мигрантов, проживающих в Словении. Представлено систематизированное описание наиболее частотных отклонений от речевого узуса, отмечаемых в случае словенско-русского двуязычия.

До сих пор язык русскоязычных жителей Словении и происходящие в нем изменения не попадали в зону устойчивого исследовательского интереса ни в России, ни в Словении. При этом число русскоговорящих жителей в Словении в последнее время заметно увеличилось, приближаясь к 6 000 человек. Представители русскоязычной диаспоры, к которым мы причисляем всех русскоговорящих выходцев из стран СССР, независимо от национальности, в Словении активизировались на рубеже 1999–2000 годов. Первая русская школа в Любляне, созданная для детей из русскоязычных семей, была открыта в 2004 году. Если в первый год там проходило обучение 14 детей, сейчас их число достигает 150 человек, причем учатся они не только в столице, но и в четырех других словенских городах (Копер, Радовлица, Крань и Ново-Место).

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в целом в Словении наблюдается нейтрально-позитивное отношение к русскоговорящему населению, а в словенской национальной системе начального образования в последнее время произошли заметные изменения в сторону поддержки дополнительного обучения на родном для учащихся языке. Как показали результаты анкетирования, большинство русскоязычных родителей настроены на сохранение русского языка у своих детей, что является важным благоприятным фактором, способствующим сохранению языка у младшего поколения русскоязычной диаспоры.

При этом языковые изменения, происходящие в русской речи младшего поколения, в целом отражают общеизвестную тенденцию к пассивизации языка родителей (или одного из родителей) у младшего поколения мигрантов. В условиях проживания в Словении наблюдается резкое и неизбежное сокращение коммуникативных сфер, обслуживаемых русским языком. Практически во всех ситуациях представители младшего поколения используют либо исключительно словенский язык, либо наблюдается конкуренция обоих языков. Важной сферой, где русский язык продолжает доминировать, остается либо общение в семье (в случае, если оба родителя говорят по-

русски), либо общение с представителями старшего поколения (бабушки, дедушки, родственники), совсем не говорящими по-словенски. Третье место занимает интернет. Во многих случаях эта ситуация приводит к возникновению *неуравновешенного билингвизма*, когда уровень языковой компетенции на русском языке неизбежно уступает уровню языковой компетенции на словенском, и в любом случае мы наблюдаем влияние функционально доминирующего языка окружения — словенского — на функционально ограниченный язык — русский.

Это влияние прослеживается на всех языковых уровнях, приводя к регулярному проявлению в речи младшего поколения мигрантов ошибок или отклонений. Отклонения замечаются и в рамках социолингвистической (или прагматической) компетенции, которую мы тестировали отдельно. В целом, зафиксированные явления, анализируемые как на основании устных, так и письменных данных, показывают устойчивую тенденцию к упрощению языковой системы русского языка, интерференцию на различных языковых уровнях, сокращение активного лексического запаса, ограниченное словообразование, значительно ограниченное владение фразеологическим фондом, ослабленную социолингвистическую вариативность и частотные отклонения при употреблении служебных языковых элементов (предлогов, союзов, вводных конструкций). На основании этих данных мы можем утверждать, что русский язык в речи младшего поколения русскоязычных мигрантов обнаруживает тенденцию к сокращению автономности, стабильности и вариативности.

Доминирующей ситуацией, порождающей ошибки, является не полное, а именно частичное несовпадение сегментов языковых систем контактирующих языков, для разграничения которых нужно знать дополнительные, часто весьма тонкие, нюансы и условия. Именно такая ситуация наиболее часто является основным условием порождения ошибки в условиях ограниченного использования русского языка за рубежом.

Литература

Полинская 2010 – *Полинская М.С.* Русский язык первого и второго поколения эмигрантов, живущих в США // *Slavica Helsingensia* 40. Instrumentarium of Linguistics, Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian. Helsinki, 2010.

Balažič Bulc 2004 – *Balažič Bulc T.* Jezikovni prenos pri učenju sorodnih jezikov (na primeru slovenščine in srbohrvaščine) // *Jezik in slovstvo*. Letnik 49, št.3/4. 2004.

Bayer 2006 – *Bayer M.* Sprachkontaktdeutsch-slavisch. Eine kontrastive Interferenzstudie am Beispiel des Ober-und Niedersorbischen, Kärntnerslovenischen und Burgenlandkroatischen // Peter Lang. Berliner Slawistische Arbeiten 28. 2006.

Bitenc 2006 – *Bitenc M.* Slovenščina in njeno poučevanje pri slovenskih zdomcih // *Jezik in slovstvo*. Letnik 54, št.3/4. 2006.

Medvešek, Bešter 2012 – *Medvešek M., Bešter R.* Položaj priseljenskih jezikov v Sloveniji // *Jezik in slovstvo*. Letnik 57, št.3–4. 2012.

Paradis 2004 – *Paradis M.* A neurolinguistic theory of bilingualism. Amsterdam: John Benjamins, 2004.

Rossi 2009 – *Rossi E.* Večjezični možgani: učenje in izgubljanje jezikov // *Jezik in slovstvo*. Letnik 54, št.1. 2009.

Šumberger 2006 – *Šumberger S.* Dvojezičnost na primeru Slovencev v Nemčiji // *Slavistična revija*. Letnik 54/1. 2006.

**К вопросу об эгейском славянском койне в среде вынужденных переселенцев
из Греции: случай с. Пликати (Масторохорья, Греция)**

Село Пликати (Масторохорья, Греция) находится на самой границе с Албанией на склоне горной цепи Грамос. Его население подвержено сезонным колебаниям (от 100 до 150 человек), значительная часть жителей проживает в больших греческих городах и возвращается в село на большие праздники. Старшее и среднее поколение знает албанский язык, так как до гражданской войны в Греции албаноязычное население здесь составляло большинство. Поскольку ближайшее село с другой стороны границы, Рахова, находится всего в 4 часах пешего пути через горы, в Пликати достаточно много нелегальных рабочих из Албании. Необходимость общаться с ними поддерживает владение албанским языком у среднего поколения на некотором минимальном уровне.

Так как Грамос был ареной самых ожесточенных боев во время гражданской войны в Греции (1946–1949), значительное количество его жителей бежало в страны Восточной Европы и СССР, где они прожили несколько десятилетий до своего возвращения домой. Места компактного расселения беженцев из Греции предоставили среду для общения людей из самых разных регионов, причем значительную часть составляли греческие граждане, говорящие на славянских диалектах Эгейской Македонии (в некоторые периоды гражданской войны они составляли до 60% боевого состава Демократической армии).

Старшее поколение жителей Пликати, таким образом, представляет редкий случай многоязычия: помимо полного двуязычия (албанский и греческий), они владеют также языками и диалектами, которые выучили в эмиграции (как государственными языками стран, в которых они находились: венгерским, чешским, румынским, русским, так и эгейским македонским койне, которое распространялось в среде эмигрантов).

Доклад основан на полевых записях 2012, 2014 и 2015 гг.

Kamila Mrázková

(Институт чешского языка Чешской академии наук, Прага, Чехия)

**Popis jazykové situace jako východisko stylistické klasifikace jazykových
prostředků (nejen pro účely výkladového slovníku češtiny)**

Ve svém příspěvku bych ráda stručně představila návrh klasifikace jazykových prostředků vycházející z popisu současné české jazykové situace, který jsme vypracovali spolu s Jiřím Homoláčem a podrobně představili ve stati *K stylistickému hodnocení jazykových prostředků zvláště lexikálních* (Homoláč, Mrázková 2014). Původní návrh byl koncipován s ohledem na jeho možné využití při práci na novém výkladovém slovníku současné češtiny, a proto se soustředí na lexikální prostředky; v tomto příspěvku bych ráda ukázala, že navržený model je vhodný i pro klasifikaci prostředků z jiných jazykových rovin, např. syntaktické.

Navrhovaný systém vychází z předpokladu, že pro popis české jazykové situace jsou nejdůležitější rozdíly:

1. Mezi územ dvou základních komunikačních oblastí – komunikační oblastí běžného dorozumívání a komunikační oblastí realizace vyšších komunikačních cílů.

2. Mezi prostředky užívanými mluvčími v Čechách (resp. z Čech) a mluvčími na Moravě (resp. z Moravy).
3. Mezi prostředky typickými pro mluvený, nebo pro psaný jazykový projev.
4. Mezi prostředky vysokého, středního a nízkého stylu (srov. Hausenblas, 1973).
5. Mezi prostředky expresivními a neutrálními.

Dalšími kritérii pro kvalifikaci jazykových prostředků jsou např. časové zařazení prostředku nebo jeho příslušnost k určité sociální sféře. Navrhovaný systém navazuje na tradici pražské funkční stylistiky využitím konceptu stylových faktorů: základní komunikační oblasti charakterizuje mj. pomocí stylových faktorů, jejichž vliv na volbu jazykových prostředků lze považovat za pravidelný a významný (např. připravenost x nepřipravenost). Od popisů jazykové situace češtiny, které v tradici české lingvistiky dosud převažovaly, se navrhovaný systém liší tím, že nepracuje se strukturními varietami: jazykové prostředky tak nejsou charakterizovány příslušností ke strukturně definovaným varietám, např. k obecné češtině, ale pouze tím, v jakých komunikačních oblastech jsou nebo mohou být užívány.

Литература

Bělič 1964 – *Bělič J.* Celonárodní slovní zásoba ne plně spisovná a nespisovná // *Slovo a slovesnost*, r. XXV. 1964. Č. 1. S. 11–26.

Hausenblas 1996 – *Hausenblas K.* Komplexní a simplexní styly // *K. Hausenblas*. Od tvaru k smyslu textu: stylistické reflexe a interpretace. Praha: DeskTopPublishing Filozofické fakulty UK, 1996 [1973]. S. 79–86.

Havránek 1932 – *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // *B. Havránek, M. Weingart* (eds.). Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha: Melantrich, 1932. S. 32–84.

Homoláč, Mrázková 2014 – *Homoláč J., Mrázková K.* K stylistickému hodnocení jazykových prostředků, zvláště lexikálních // *Slovo a slovesnost*, 75. 2014. S. 3–38.

Mareš 2003 – *Mareš P.* Spisovnost a nespisovnost, formálnost a neformálnost // *Přednášky z XLVI. běhu Letní školy slovanských studií*. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta, 2003. S. 99–108.

Nekvapil 2009 – *Nekvapil J.* The integrative potential of Language management theory // *J. Nekvapil, J.-T. Sherman* (eds.). *Language Management in Contact Situations: Perspectives from Three Continents*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 1–11.

Neščimenko 1999 – *Neščimenko G. P.* Etničeskij jazyk. München: Otto Sagner, 1999.

Zima 1962 – *Zima J.* Expresivita slova v současné češtině. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1962.

Вадим Олегович Нечаевский
(Военный университет, Москва, Россия)

Влияние польского, немецкого и чешского языков на формирование лексического состава силезского идиома

Единое мнение относительно языкового статуса естественно-лингвистического образования, используемого силезцами преимущественно в ходе обиходно-бытового общения, в настоящий момент отсутствует. Так, в польском научном мире преобладает восприятие силезского идиома как группы близких диалектов (говоров), являющихся неотъемлемой частью польского этнического языка. Подобная точка зрения соответствует

также отечественной, немецкой и, с определёнными оговорками, чешской лингвистической традиции. В то же время ряд польских и зарубежных исследователей считают силезский идиом этнолектом в составе польского этнического языка (Й. Тамбор, Т. Вихеркевич, Т. Камуселла) или даже самостоятельным западнославянским языком, относящимся к лехитской подгруппе (Р. Олеш, Г. Хентшель, М.П. Льюис).

На протяжении всей своей истории данный регион многократно становился объектом территориальной и, как следствие, языковой экспансии со стороны более сильных и организованных соседей. В конце IX в. населенная восточнолехитскими племенами территория Силезии попала в сферу интересов сначала Великой Моравии, а затем и чешских Пржемысловичей; в последней четверти X в. Силезия вошла в состав польского государства; в начале XI в. территория Силезии впервые подверглась опустошительному нападению со стороны вассалов императора Священной римской империи. Именно Чехия, Польша и Германия (и другие немецкоязычные государства) на протяжении тысячи лет вели между собой борьбу за территорию Силезии.

Таким образом, влияние чешского, польского и немецкого языков на формирование силезского лексического состава вполне объяснимо. Особый интерес вызывает функционирование в силезском идиоме одновременно двух (и более) лексем, служащих для обозначения одной и той же реалемы и пришедших в него из различных языков. Так, например, для передачи наименования профессии 'шахтёр' в силезском идиоме используются такие лексемы, как *bergmon* (от нем. *der Bergmann* 'горняк, шахтёр'), *grubiorz* (нем. *die Grube* 'шахта', верхнесилезский диалект немецкого языка *der Grubiosch* 'горняк, шахтёр'), *hajer* (от нем. *der Hauer*, верхнесилезский диалект немецкого языка *der Hajer* 'горн. забойщик'), *hawirz* (также от нем. *der Hauer*, однако пришедшее из чешского языка) и *kopacz* (пол. уст. 'забойщик').

Галина Парфеньевна Нецименко

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

О некоторых особенностях развития языковой ситуации в современном славянском мире

К важнейшим задачам современного славянского мира относится: сохранение преемственности культурно-языковых и этнических традиций; создание для интегрируемых этносов условий, необходимых для их полноценного культурно-цивилизационного развития, обеспечивающего максимально безболезненный переход к современному образу и качеству жизни; сохранение инвентаря престижных функций.

Александр Алексеевич Нистратов,

Евгений Федорович Тарасов

(Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Трансформация содержания языкового сознания жителей современной России (на материале содержания общечеловеческих ценностей)

Социальные и культурные изменения в России за последние 25 лет квалифицируются как цивилизационный слом, который сопровождается трансформацией языкового сознания русских. Анализ этой трансформации был осуществлен в форме

межпоколенного сравнения содержания общечеловеческих ценностей (ОЦ) в языковом сознании 20- и 40-летних носителей русской культуры.

Инструмент анализа — массовый психосемантический эксперимент (ПСЭ), позволяющий исследовать неосознаваемые слои психики, которые содержат как наследуемое коллективное бессознательное, так и социогенное, обуславливающее внешнее и внутреннее поведение носителей любой этнической культуры. Техника ПСЭ предусматривает количественный замер содержания анализируемого объекта (в нашем случае, содержание ОЦ в русской культуре) в заданной мерности, которая выражается в универсальных шкалах, описывающих содержание любого предмета, явления, действия. Процедура обработки результатов ПСЭ в виде факторного анализа позволяет представить их в компактной форме.

Оценочные шкалы по критерию близости оценок, даваемых испытуемыми, сводятся в факторы: например, фактор **оценка** для 20-летних содержит шкалы *темный – светлый, приятный – неприятный, безобразный – красивый, грубый – нежный, хаотичный – упорядоченный* и квалифицирует исследуемое содержание по критерию принятия или непринятия экзистенции респондентов; фактор **активность** содержит шкалы *медленный – быстрый, неподвижный – движущийся, пассивный – активный* и характеризует экзистенцию носителей русского языкового сознания по критерию временных качеств протекания процессов жизни.

Количественные показатели, характеризующие осмысленные содержания ОЦ представителями двух поколений русских, естественно, подлежат дальнейшей герменевтической интерпретации.

Предварительный анализ количественных данных показал различия в траектории поведения русских в экспериментальной ситуации. По фактору **оценка** более высокие показатели большинству ценностей/антиценностей дали 40-летние, а по фактору **активность** оба поколения имеют близкие показатели.

Первичное толкование основывается на учете уникального социального опыта 40-летних русских, прошедших две социализации: первичную при социализме и вторичную при рыночной экономике, и на учете юношеского максимализма 20-летних.

Maria Peisert

(Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша)

Dynamika zmian językowych w polszczyźnie w dobie tzw. globalizacji

Globalizację definiuje się zwykle jako zbiór procesów i zjawisk integracyjnych o zasięgu ogólnosiwiatowym, charakteryzujących się wysokim stopniem intensywności w ujednocnianiu się i umiędzynarodowieniu systemów ekonomicznych, aksjologicznych, ideologicznych czy estetycznych. W tym wystąpieniu zwraca się uwagę na to, że w przypadku Polski i mniejszych krajów europejskich globalizacja w obecnym kształcie oznacza nie tyle wpływy ogólnosiwiatowe, ile polityczną, ekonomiczną i kulturową dominację krajów Europy Zachodniej i Ameryki Północnej oraz języka angielskiego. Rodzi to obawę o osłabienie słabszych lokalnych kultur i języków.

W polskim dyskursie publicznym wynikiem globalizacji jest silna rywalizacja między tradycyjnym systemem wartości stanowiącym podstawę narodowego dziedzictwa, a nowymi, liberalnymi tendencjami płynącymi z kultury zachodniej. Ten konflikt znajduje wyrazne odzwierciedlenie w języku, w którym zapisany jest przekazywany z pokolenia na pokolenie skrypt kulturowy. Zwolennicy tradycji kierują pamięć zbiorową ku przeszłości, by w oparciu o nią projektować teraźniejszość i przyszłość, natomiast ci, którzy prezentują liberalne postawy,

projektując teraźniejszość i przyszłość, odrzucają bądź reinterpretują przeszłość i jej wartości. I to zjawisko – próby wymuszenia pewnych postaw światopoglądowych, społecznych lub zmian w interpretacji tradycji – przekłada się obecnie w Polsce na bardzo widoczne strategie w dyskursie publicznym. Ich przejawem jest detabuizacja wielu pól leksykalnych związanych na przykład ze sferą Sacrum i Profanum, seksualnością czy fizjologią człowieka. Tradycyjne *tabu* zastępują nowe, wynikające z tzw. poprawności politycznej zakazy, które związane są przede wszystkim ze sferą *gender* i wielokulturowością. Zostaną zaprezentowane przykłady zmian ilościowych i jakościowych w leksyce języka polskiego związane ze wskazanymi wyżej procesami globalizacji.

Глеб Петрович Пилипенко

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Языковая ситуация в восприятии национальных меньшинств

В докладе речь пойдет о языковой ситуации в полиэтничных регионах Воеводина (Сербия) и Закарпатье (Украина), где венгерское население составляет значительную часть локальной этнодемографической картины. В результате многолетней полевой работы, проводившейся в данных регионах, собран репрезентативный материал: корпус устной и письменной речи венгров. В нарративах информантов особое место занимают высказывания о языковой ситуации, языковой компетенции, языковых конфликтах. Актуальным вопросом в межнациональных отношениях является взаимодействие славянского большинства и венгерского меньшинства на всех социальных уровнях. В языковом плане это наиболее заметно в восприятии венграми языковой политики в сфере образования и в отношении к официальному языку страны. Прослеживается взаимосвязь между этнолингвистической витальностью венгерской общины в конкретном округе и языковой компетенцией на L2. Нарративы о необходимости изучения L2 характеризуются разной степенью напряженности: от полного неприятия до спокойного отношения и фаворизации двуязычия. Определенный отпечаток на формирование отрицательного восприятия L2 накладывает и существующая система образования и особенности преподавания официального языка в государственных школах. Миграционные процессы последних лет (например, переселение сербского и цыганского населения из зон конфликта в регионах бывшей Югославии в места компактного проживания воеводинских венгров) способствовали обострению межъязыковой ситуации. Редуцированное владение L2 венграми, проживающими в гомогенных районах, приводит к этнокультурной изоляции данных общин.

Анна Аркадьевна Плотникова

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия)

Градищанские хорваты Австрии: особенности культурно-языковой интерференции

В докладе на материале терминологической лексики народной духовной культуры и соответствующих явлений из области фольклорной традиции раскрываются основные черты культурно-языковой интерференции, характерной для градищанских хорватов Австрии.

Имея в виду процессы лексических заимствований в языке градищанских хорватов Австрии, важно учитывать несколько определяющих факторов: во-первых, большое число германизмов и унгаризмов уже имелось в языке хорватов на первичной территории проживания до их переселения на северо-западные венгерские земли; во-вторых, терминологическая лексика народной духовной культуры градищанских хорватов изначально во многом составляла единое целое со словенской культурной лексикой; это же касается и целого ряда иных общих кайкавско-чакавско-словенских языковых особенностей и сходных явлений в сфере традиционной народной культуры.

Выявлено, что определяющими факторами самоидентификации являются сохранение своего языка и наличие «своей» фольклорной традиции, во многом меняющейся в настоящее время. Соответственно, в представлении о «своей» традиции включаются те языковые номинации и явления народной культуры, которые информанты наблюдали с детства. Всё, что претерпевало изменения на глазах информантов, осознается ими как языковые и культурные заимствования.

Елена Семеновна Узенёва

(Институт славяноведения РАН, Москва, Россия).

Культурно-языковые заимствования в традиции старообрядцев Болгарии

В докладе рассмотрены различные типы культурно-языковых заимствований в языке традиционной культуры староверов Болгарии на примере с. Татарица (сев.-вост. Болгария, Добруджа). В селе проживают последователи «поповского» направления старообрядчества (*белокриничники*). В связи с увеличением смешанных браков в семьях молодые русские часто перенимают болгарские обычаи, отмечают также и болгарские праздники, дома говорят по-болгарски. Культурно-языковая интерференция проявляется на разных уровнях: 1) собственно языковом, в обрядовой терминологии (*плечинда* — сладкий слоеный пирог на Рождество); 2) в отдельных фрагментах обряда, его трансформации (например, Юрьев день, *Ягорий*, известный здесь также под болгарским именем *Гергьовден*, считается «чубанским праздником», т.е. праздником пастухов, но вслед за болгарской традицией староверы «режат баранок, курбан делают», т.е. совершают жертвоприношение, столь характерное для ритуалов этого дня у болгар; 3) в появлении новых обрядов, неизвестных староверам ранее. Например, в Татарице отмечают день св. Трифона (14.02), которого болгары почитают как покровителя виноградарства. Этот праздник закрепился в культуре липован в связи с развитием виноградарства в их среде по прибытии на эти земли. Таким образом, культурно-языковые заимствования возникают в связи с появлением новых реалий (слоеный пирог), новых видов хозяйственной деятельности (виноградарство) или по аналогии с отдельными болгарскими обычаями, коррелирующими с народным календарем липован (*курбан* в Юрьев день).

**Дихотомия носителя и пользователя языка
в эпистолярной культуре Венгерского королевства в XVIII в.**

Полиэтническое общество Венгерского королевства в раннее Новое время может служить примером параллельного использования нескольких языков, причем не только в разговоре, но и на письме. Богатые эпистолярные коллекции из фамильных архивных фондов аристократических семейств (Баттяни, Зичи, Каройи, Надашди и др.) позволяют выявить некоторые закономерности выбора того или иного языка в зависимости от степени знакомства или родства, повода, набора языков в арсенале адресанта. Латинский язык использовался в обращениях к государственным деятелям, чиновникам разных уровней и иерархам церкви. Такая переписка, если речь не идет о «гражданах республики ученых», велась между малознакомыми людьми разного социального статуса и обычно содержала жалобу или просьбу. Немецкий язык служил средством общения между близкими к венскому двору вельможами и их клиентелой, а также между офицерами и их командирами. Венгерский язык, с одной стороны, использовался мелкими дворянами, не получившими систематического среднего образования (с классами риторики и поэтики), с другой стороны — широко практиковался в среде аристократии и образованного (служилого) дворянства, что может расцениваться как дополнительный признак доверительности, взаимного расположения. Переписка аристократов расцветивалась венгерскими шутками и поговорками или, наоборот, вкраплениями на латинском, что было знаком принадлежности к политическому классу, где официальным был язык древних римлян. Послания собственного сочинения от плохо образованных корреспондентов можно определить по отсутствию четкой структуры и внутренней логики, длинным бессмысленным предложениям и повторам. Письма на латинском языке от имени женщин практически никогда не были написаны ими самими, т. к. женщины не изучали латынь. Среди образованных аристократок нередко было использование французского языка, в том числе в письмах, адресованных своим детям. Дети, в свою очередь, писали эпистолы к родителям на разных языках: к отцу на латинском, к матери — на ее родном языке (венгерском, немецком) или, если она принадлежала к высшему свету — французском. Наконец, представители зарождавшейся национальной интеллигенции немадьярских народов письменно обращались к аристократам, в которых надеялись встретить интерес к своим культурным инициативам, на словацком, хорватском, сербском языках.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Глобализационные процессы и их влияние
на языковое и цивилизационное развитие
славянских этносов
Москва, 27 октября 2015 г.

Тезисы научной конференции
в рамках проекта РГНФ № 14-04-00592 «*Актуальные этноязыковые и
этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и
этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика*»

Редколлегия:
Ващенко Д.Ю.
Макарец М.М.
Нещименко Г.П. (отв. ред.)
Пилипенко Г.П.

Электронное издание

Подписано в печать 29.12.2015 г. 1 п.л.